

Она снова посмотрела на Чжуан Цяна — тот стоял тут же, полный благородного негодования, живой и здоровый, ничуть не похожий на пострадавшего. А вот тот, что рядом, поник, будто цветок, которому не хватает воды.

Она спросила Чжу Мина:

— И это ещё что такое?

Чжу Мин заспешил:

— Я был неправ, но всё не настолько серьёзно, как говорит учитель Чжун. Никаких избиений не было, я только дёрнул его за руку, не применял силу.

На его подбородке была содрана кожа, сочилась кровь, а на чёрной пуховике ещё не отряхнули всю пыль. Весь перепачканный, он выглядел крайне невинно пострадавшим. Но Чжун Бэньцзяо стоял горой за своего:

— И от того, что дёрнул, у него бок разболелся?

Юй Цянь, увидев, что Чжун Бэньцзяо указывает на Мао Фэя, снова помрачнела:

— Что вообще происходит? Дежурная сказала, ты вчера с молотком пришёл к Чжуан Цяну драться. Мало тебе было, сегодня ещё и на этого набросился? Ты что, на всю комнату 214 один за всех?

Все молчали. Весь кабинет наблюдал за спектаклем.

Юй Цянь была вне себя. Она обратилась к Мао Фэю:

— Как тебя зовут?

Мао Фэй покорно назвал имя.

Юй Цянь спросила:

— Бок болит? Это он?

Мао Фэй ответил:

— Толкнул, я об угол стола ударился. Ещё шарфом душил, чуть не задохнулся.

Чжу Мин, вне себя от злости и тревоги, воскликнул:

— Не преувеличивай!

Чжун Бэньцзяо умел защищать своих, но и Юй Цянь тоже благоволила к своему студенту — всё-таки вела его с первого курса и держала при себе. Она слегка нахмурила брови и посмотрела на Чжуан Чжоу:

— Учитель Чжуан?

Чжуан Чжоу под взглядами всех присутствующих спокойно произнёс:

— Он стоял ко мне спиной, держа этого студента. Когда я вошёл в аудиторию помешать, я

слышал только, как он гневно кричал.

Юй Цянь немного успокоилась, но тут Чжуан Чжоу продолжил:

— Хотя их версии расходятся, мы можем провести небольшую проверку.

Чжун Бэньцзяо напомнил:

— В аудитории нет камер.

— Камеры не нужны. — Чжуан Чжоу повернулся к Мао Фэю:

— Тебя толкнули, ты сильно ударился. Болит бок?

Мао Фэй кивнул и подумал: из этих десяти единиц боли пять — от того, как ты сам меня толкнул. Посмотрим, как ты теперь будешь изображать справедливого судью.

— Тогда посмотрим на повреждения. — Чжуан Чжоу снова обратился к Чжу Мину:

— Если у него на боку будут синяки, значит, он не преувеличивает.

Чжу Мин лихорадочно соображал. В тот момент, в гневе, он не следил за силой, но подсознательно он не хотел причинять вред, просто хотел напугать. Так что даже если он и толкнул, наверное, не так уж сильно. Да и одежда была толстая.

Чжу Мин про себя решил: эту проверку можно пройти.

Присутствующие не возражали. Но Чжуан Цян и Чжун Бэньцзяо должны были удалиться, чтобы избежать предвзятости, Юй Цянь была женщиной — неудобно. Так что обязанность осмотреть повреждения легла на Чжуан Чжоу.

Новый временный преподаватель, человек со стороны, не связанный ни с кем, — возможность предвзятости исключалась. Наверняка будет справедливо.

Так думали все присутствующие.

Когда они вдвоём закрыли за собой дверь в маленькую кладовку, Юй Цянь сказала:

— Пока они не вернутся, вы двое объясните, что вчера произошло.

В кладовке были сложены груды коробок с хламом, в воздухе витал лёгкий запах ржавчины и пластика. Окно в стене было закрыто, стёкла запylённые, сквозь них пробивался тусклый солнечный свет.

В тишине они смотрели друг на друга, и Чжуан Чжоу больше не мог сдерживаться. Он протянул руку, притянул Мао Фэя к себе и мягко обнял.

Мао Фэй остолбенел. Он как раз мучился, не в силах выговорить «учитель», а тут, гляди-ка, этот человек и сам, похоже, не считает его учеником.

Мао Фэй обмяк, уткнулся лицом в плечо Чжуан Чжоу и пробормотал:

— Чего это ты?

— Когда я уходил, я ещё температуру тебе мерил.

Подтекст: как же так вышло, что потом поднялась температура?

Мао Фэй сказал:

— Я слабый, почки плохие.

Услышав это, Чжуан Чжоу улыбнулся. Рука, гладившая его по волосам, сползла к пояснице:

— Где ударился? Покажи.

— А если синяка не будет? — Мао Фэй расстегнул пуховик, задрал свитер, обнажив полоску белой, нежной кожи с едва заметными следами-«клубничками». Он сам не видел, вертел головой и спрашивал:

— Если синяка не будет, ты за меня соврѣшь?

Он ожидал вежливого отказа или, на худой конец, колебаний, но тот ответил чётко и без раздумий:

— Совру.

Чжуан Чжоу поправил на нём одежду — мальчик только что болел, надо беречь, чтоб снова не простудился:

— И кстати, синяк действительно есть, уже проступает.

Мао Фэй прикусил нижнюю губу. Скоро выходить, будут разбираться, допытываться, восстанавливать события... Если узнают, что в тот же вечер, когда было грустно, он пошёл на одну ночь, наверняка заподозрят, что он пытался уйти от проблем через секс.

Но это было не так.

Чжуан Чжоу поднял руку, провёл ладонью по его щеке и уху, успокаивая:

— Сначала выйдем, остальное обсудим уже в Бовэне.

Ладонь оторвалась и потянулась к ручке двери. Мао Фэй открыл рот и в самый момент, когда ручка повернулась, ухватился за руку Чжуан Чжоу:

— В тот вечер... не было никакой другой причины. Просто я хотел уйти с тобой.

Чжуан Чжоу на миг замер, потом тихо рассмеялся:

— А разве могло быть иначе?

Мао Фэй уставился на него широко раскрытыми глазами, тщетно пытаясь объяснить, но времени не было. Есть ли способ...

Его лицо приподняли и поцеловали.

Мао Фэй слегка приоткрыл губы, позволяя им быть нежно, горячо засосанными.

Очень коротко, всего две-три секунды.

Чжуан Чжоу взял Мао Фэя за руку, сжал её:

— Мы задержались здесь слишком долго.

Чжу Мин и Чжуан Цян вовсю препирались, каждый смотрел на другого как на врага, и в душе каждый ругал другого: «Вот же конченный придурок, который меня тогда обблевал!»

Чжу Мин:

— Я действительно был неправ. Затуманило мне голову, импульсивность — это действительно дьявол.

Чжуан Цян:

— Это был явный умысел! Ты сказал: «Я ещё вернусь», а когда вернулся, то уже с молотком, долбил дверь шкафа, не слушал объяснений, не слушал уговоров! Это совсем не то, что ты называешь «импульсивностью» и «помутнением»!

— Я действительно был неправ. — Каждую фразу он начинал с этих слов. Чжу Мин продолжал:

— Но ты вообще не пытался объясняться или уговаривать, сразу набросился на меня, бил. Не выгораживай себя.

Чжуан Цян, возмущённый до предела несправедливыми обвинениями, закричал:

— Неслыханно! Чёрное называешь белым!

Юй Цянь хлопнула ладонью по столу:

— Хватит!

Чжун Бэньцзяо тоже голова шла кругом:

— Расскажите, как так вышло, что вас вырвало?

Чжуан Цян горел желанием соврать, оболгать, сказать, что это Чжу Мин его избил. Он помедлил мгновение, но всё же решил сказать правду:

— Мао Фэй лежал на кровати и стонал, я от испуга глотнул зубной пасты с водой. Всё время было нехорошо, а потом, после такой резкой физической активности, просто вырвало.

Чжу Мин не стал ничего отвечать, только бросил на Чжуан Цяня взгляд, острый как нож. Всё его тело содрогнулось от омерзения.

Практически все уже видели то видео. Оба куратора тоже выражали лёгкое отвращение. К счастью, вовремя открылась дверь кладовки. Юй Цянь, едва Чжуан Чжоу приблизился, поспешно спросила:

— Есть повреждения?

Мао Фэй чинно вернулся на место рядом с Чжуан Цянем. Он видел, как Чжуан Чжоу кивнул, весь вид его излучал неподкупную честность:

— Есть. Синяк только начинает проступать.

Чжу Мин не стал сетовать на неудачу. Без малейшей задержки он повернулся к Мао Фэю и извинился:

— Я был слишком тороплив. Мне следовало спокойно поговорить, а не применять силу.

Мао Фэй подумал: «Свиное хрюканье, свиной рёв! Ты только умеешь хрюкать да рылом землю рыть!»

Чжун Бэньцзяо спросил:

— Только что выслушали их объяснения причин и следствий. Теперь твоя очередь. Почему ты вдруг передумал? Не только не отдал Чжу Мину обещанную картину маслом, но и прогулял занятия, сбежал к кузену, так что тебя нельзя было найти, телефон не отвечал, на сообщения не реагировал?

Юй Цянь добавила:

— Специально?

Мао Фэй слегка вдохнул поглубже:

— В день малого Нового года во время зимних каникул я выложил в круг друзей фотографию картины маслом, которую нарисовал. Староста Чжу Мин увидел, поставил лайк и написал в комментариях, что она ему нравится. Это был первый раз, когда я пообщался с председателем кружка после вступления в литературный клуб. Я почувствовал огромную честь. Перед началом семестра он спросил, могу ли я подарить ему эту картину. Я согласился и привёз её в университет.

Чжу Мин напрягся до предела:

— Мао Фэй!

Мао Фэй и ухом не повёл. Он простой смертный, чего ему бояться? Ни чинов, ни репутации — бояться нечего.

— Мы договорились встретиться вечером того же дня. Но я был слишком взволнован, не мог дождаться и хотел поскорее вручить подарок. Поэтому в обед я побежал ждать его у его общежития. В итоге я увидел, как он снял свою куртку и надел её на одну студентку-старшекурсницу, замаскировав её под парня, чтобы провести в общежитие.

Чжу Мин, вне себя от ярости и паники, крикнул:

— Мао Фэй!

Чжуан Цян наконец-то дождался момента, когда прояснится загадка, и не потерпел, чтобы Чжу Мин перебивал:

— Чего ты нервничаешь?

Юй Цянь тоже не терпелось:

— Тихо! Пусть говорит!

— Я последовал за ними и услышал, как староста Чжу Мин говорит, что подарит

старшекурснице на день рождения подарок. И этим подарком была та самая картина маслом, которую он выпросил у меня. Он обманул её, сказав, что целую зиму учился рисовать специально для неё. Услышав это, мне стало очень неприятно. Высокий, светлый, блистательный талантами образ председателя литературного клуба в моём сердце рухнул, превратившись в тщеславного, лживого негодяя.

<http://bllate.org/book/15557/1413766>